

**Лозина-Лозинский Алексей
Константинович**

Смерть призраков

Октябрь 1908 г

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Константинович Л.**
Смерть призраков: Октябрь 1908 г / Лозина-Лозинский Алексей Константи-
нович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 87 с.

ISBN 978-5-519-93770-2

ISBN 978-5-519-93770-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

фарсамъ, тогда можетъ быть только одинъ родъ смѣха—„насмѣшка горькая отманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ“.

До забастовки.

«Быша же Обрѣ тѣломъ велици и умомъ горди и Богъ потреби я; помроша вси и не остася ни единъ Объринъ. Есть же притча и до сего дня на Руси: погибоша, аки Обрѣ».

Повѣсть временныхъ лѣтъ.

17 Октября 1905 г. былъ похороненъ трупъ абсолютизма, умершій отъ руки абсолютизма 9-го Января. Потомъ—два мѣсяца были нашимъ 1793 годомъ; онъ жилъ у насъ не дольше бабочки. Въ декабрѣ началась „ликвидациа“ дней свободы и первымъ былъ разбитъ пролетаріатъ. Декабрьское возстаніе было единственной попыткой встрѣтить „реваншъ“ защитой,—когда плотину пролетаріата, неподкрѣпленную никѣмъ, прорвало бурей штыковъ,—волны реакціи ужъ не имѣли никакихъ препятствій; противъ нихъ выставлялись не шимозы, а молебны, не дѣйствія, а слова, слова, только слова, ничего кромѣ словъ. И бюрократія хорошо поняла Марковскую игру словъ объ оружіѣ критики и критикѣ оружіемъ: постепенно были ликвидированы лѣвая пресса, предвыборныя, да

и вообще всякія собранія, союзы, двѣ Государственныя Думы, избирательный законъ, манифестъ 17 Октября, безопасность жизни, даже рожь для голодающихъ губерній, даже крымскіе кипарисы... Аресты, высылки, ссылки, казни... Это была уже не ликвидація, это уже было „хорошимъ аппетитомъ“, а „общество“, кричавшее въ Октябрѣ: „это сдѣлали мы!“, спрятавшееся въ Декабрѣ, смолчавшее въ Іюнѣ, продолжало молчать и въ Іюлѣ, и въ Августѣ, Сентябрѣ, Октябрѣ, въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и т. д.

И наконецъ, въ Россіи, гдѣ ламентации Щедрина и Успенскаго начали приобрѣтать всю неотразимую прелесть животрепещущихъ вопросовъ момента, а „свободное слово“ снова затерялось въ подпольи, среди какихъ-то немногочисленныхъ, неизвѣстныхъ и упорныхъ рудокоповъ революціи—остался одинъ маленькій клочекъ „свободы“, одно инородное тѣло—это—автономія университета.

Эта автономія была не страшна „бюрократіи“ и съ ея ручной свободой послѣдняя могла бы ладить. Студенчество полюбило свои аудиторіи, тетрадошки и записочки; оно мило и шумно захлопотало въ землячествахъ, стало подумывать о наверстываніи экзаменовъ, пропущенныхъ въ горячее время. Тутъ же рядомъ сталъ процвѣтать „кружокъ молодыхъ“, неожиданно собралъ громадную аудиторію пр. доц. Каль, на

стѣнахъ стали появляться объявленія спортсмѣнскихъ организацій.

Конечно, я ничуть не сомнѣваюсь, что существованіе землячествъ, и лекціи Каля, и декадентская литература, и сдача экзаменовъ — все это очень хорошо и полезно (и спортсмѣнство тоже, такъ какъ *mens sana in corpore sano*), но дѣло въ томъ, что они были не только абсолютными самоцѣльностями, а и симптомами какого-то психологическаго перелома.

Для университета — университета Грановскаго, Писаревщины, процесса 173, эпохи войнъ народничества съ марксизмомъ, университета демонстрацій, митинговъ и академическаго легіона—это было ново.

Даже, въ, казалось-бы сходную съ современной, эпоху реакціи 80-хъ годовъ, студенчество имѣло совершенно иную фizioномію: тамъ были люди сѣрые, скучные, безличные; были безъ пяти минутъ бюрократы; были люди, плакавшіе надъ Некрасовскимъ „Рыцаремъ на часъ“ и рвущимися отъ грусти аккордами Надсона; были толстовцы; дебоширы; послѣдніе могиканы народовольчества; но никто не сіялъ нашей „автономной“, либеральной и трезвенной жизнерадостностью.

Даже по внѣшности студенчество стало незамѣтно мѣняться за послѣдніе годы.

Традиціонныя косоворотки, длинные волосы, грубая откровенность „нигилиста“ стали зату-

шевываться, теряться среди какихъ-то акуратненькихъ сюртучковъ, высокихъ воротничковъ, бритыхъ бачекъ и разумно-почтительныхъ фізіономій. Опять-таки повторяю, что я вовсе не хочу тратить „духъ отрицанья, духъ сомнѣнья“ на туалетныя различія, а просто отмѣчаю фактъ.

Процентъ умѣренныхъ и спокойныхъ элементовъ среди „новичковъ“ все возрасталъ съ каждымъ выпускомъ, начиная съ 1905 года. До университета это поколѣніе росло въ атмосферѣ, гдѣ въ гимназіяхъ завязывались всевозможныя сліянія учащихся и учащихся, родителей и учителей, а мракобѣсъ—педагогъ сдвинулся на степень октябристскаго либерализма; гдѣ съ другой стороны въ обществѣ слышались все громче голоса брюзжащаго разочарованія либо классическое „терпѣніе, терпѣніе, терпѣніе“, а какъ „идейныя“ теченія крѣпчали индивидуализмъ и декадентство. Молодежь, которая раньше прятала сапоги, чтобъ до вечера не вставать отъ перваго тома „Капитала“, бунтовала противъ родителей и учителей, до хрипоты спорила въ кружкахъ и до дыръ зачитывала брошюры „изъ Женевы“—теперь увлекалась Бальмонтомъ, нѣтъ, Кузьминымъ, нѣтъ... футболомъ!

Правда, „новички“ были не одни въ университетѣ, но вѣдь и „ветераны“ были ужъ не такъ-то хороши. Многихъ не было уже вовсе, иные съ нѣкоторой малопонятной гордо-

стью и томно-безсильнымъ скептицизмомъ рекомендовались „инвалидами революціи“, другіе съ жаромъ говорили тоже о „замкахъ изъ слоновой кости“, „богоискательствѣ“ и „красотѣ изступленія“, самые лучшіе — дѣйствительно стали заниматься и брать освѣжающіе „души науки“. Были, конечно и форменные калѣки: статистика самоубійцъ особенно пополнялась студентами рядомъ съ швейками, безработными и прочимъ демократическимъ людомъ.

Студенческія партійныя организаціи влачили самое жалкое существованіе. Посѣщали ихъ случайно, собирались они неакуратно и постоянно ныли о дефицитѣ духа живого, работниковъ, да и просто какого-нибудь дѣла. Правда, наврядъ-ли, хотя бы с. д., самая крупная въ университетѣ, фракція уменьшалась количественно, но количество людей, посѣщавшихъ собранія, уменьшалось несомнѣнно. Но главное было то, что она „линяла“.

Собственно говоря, университетъ никогда, даже въ моменты величайшаго подъема, не имѣлъ сильнаго теченія ортодоксальнаго марксизма. Даже въ эпоху легальнаго марксизма, когда онъ начиналъ складываться въ выдающееся, теоретически оформленное движеніе среди радикальной интеллигенціи—*spiritus rector*’ы его въ университетѣ были не столько Бельтовъ и Ильинъ, сколько безраздѣльно сливав-

шіеся съ ними въ глазахъ массы — Струве и Туганъ-Барановскій.

Въ моментъ разгара революціи соц. дем. студенчество сразу объявило себя „большевиками“ и отразило въ себѣ всѣ специфическія черты этого исправленнаго и дополненнаго изданія народовольчества: централизмъ, боевыя дружины, экспроприаторскія замашки, дѣтское обольщеніе вооруженнымъ возстаніемъ и нѣсколько барскую привычку топтать ногой, чтобъ изъ подъ земли явились легионы.

Крушеніе революціи разстроило ряды большевиковъ и стали расти симпатіи къ „меньшевизму“.

Но этотъ меньшевизмъ студенчество опять-таки претворило по своему непролетарскому образу и понятію—здѣсь были такіе меньшевики, которыхъ незнакомые люди смѣшивали съ октябристами и такіе социалисты, что объ этомъ надо было еще рассказывать.

Меньшевизмъ въ университетѣ былъ, какъ это ни странно, признакомъ упадка: „публика“ не цѣнила въ немъ ортодоксальности, а отрицательное отношеніе къ всевозможному революціонному кондотьерству принимало какъ повѣдь спокойствія. Меньшевики въ университетѣ, какая это была либо разслабленная, либо сѣрая масса! Во время оно у большевиковъ былъ рядъ блестящихъ ораторовъ, выдающихся лидеров—у меньшевиковъ ихъ было

два, три, да и то ихъ марксизмъ былъ очень подѣ сомнѣніемъ. Что касается до ординарныхъ статистовъ этой группы, то это не были даже марксисты, а просто марксистская клякса, выжимка изъ трехкопѣчной брошюрки.

Въ университетѣ какъ бы образовывалось особое теченіе—это „студенческій социализмъ“, гдѣ всякъ молодецъ былъ на свой образецъ, а средняя равнодѣйствующая шла не то по линіи бернштейніанства, не то лѣваго кадетства, а попросту говоря, буржуазнаго радикализма. Бытіе опредѣляетъ мышленіе.

Что касается соц. рев. то ея, сравнительно немногочисленная, группа, въ своей общей массѣ, была просто собраніемъ хорошей и горячей, очень зеленой молодежи, въ высшей степени беззаботной насчетъ науки, рѣчистой и при всякомъ удобномъ случаѣ желающей развернуться во всю. Нужно сказать, что несмотря на ихъ нѣсколько курьезное желаніе быть постоянно лѣвѣе лѣваго, что очень напоминало мальчиковъ, бѣгущихъ впереди марширующихъ солдатъ съ крикомъ: „а мы все-таки первые!“ это была единственная партійная организація, въ поддержкѣ которой можно было быть увѣреннымъ въ моменты „рѣшительныхъ шаговъ“. Но не за логику, а за горячность.

Землячества, когда то концентрировавшіе въ себѣ бациллы политическаго движенія, всецѣло были охвачены вопросами освобожденія

отъ платы, муравьиной борьбой „первыхъ въ деревнѣ“ и эпидеміей благотворительныхъ концертовъ.

И въ то же время незамѣтно, сквозь толщу студенческихъ традицій росли, вырабатывали вожаковъ и осваивались въ университетскихъ массахъ организаціи либеральныя.

Ихъ встрѣтили сперва задорнымъ смѣхомъ, потомъ—къ нимъ попривыкли. Въ совѣтѣ старость они моментами уже играли, что-то въ родѣ роли польского коло во 2-й Государственной Думѣ; лавировать они умѣли хорошо на сходкахъ говорили студенческимъ жаргономъ въ началѣ рѣчи, чтобы откровенно апеллировать къ той самой рубахѣ, которая ближе всего къ тѣлу, въ концѣ и мало-по-малу ихъ стали считать своими.

Кадеты были уже силой, когда вопросъ о ликвидаціи послѣдней забастовки (тоже октябрьской, а впрочемъ, извините...) породилъ въ стѣнахъ университетета союзъ 17-го октября.

Эволюція состава совѣта старость была очень характерной иллюстраціей этого процесса. Въ 1905—06 г. въ совѣтѣ старость, не то что одни соц. дем., но одни большевики составляли абсолютное большинство; въ 1906—07 г. большинство составляли с. д. вообще и уже было 6 кадетовъ; въ 1907 — 1908 г. большинствомъ были одни социалисты, соц. дем. плюсъ соц.

рев., а кадеты насчитывали 11 человекъ. *Sic transit gloria mundi!*

Зато въ университетѣ росла рѣчистая, болѣе или менѣе талантливая, типичная группа политикановъ—карьеристовъ, съ генеральскими замашками и демагогическими приѣмами. Многихъ изъ нихъ знали далеко даже за стѣнами университета и про нихъ всегда спрашивали: „а какъ говорить такой-то?“ Не что, а какъ.

Верхи всегда отражаютъ низы и верхи мельчали и распадались все болѣе по мѣрѣ того, какъ консолидировались элементы балласта въ университетѣ.

На верхахъ особенно дорого стала цѣниться пессимистическая трезвенность, которой въ своей средѣ любили даже щегольнуть иногда и тѣмъ отграничить себя отъ бессмысленной толпы. „Мы, дескать, не кто-нибудь; мы не поддаемся чувству и попроницательнѣй банальныхъ восторговъ. Но конечно, товарищи—авгуры, *so was that man, so was sagt man nicht* и отечески, съ грустной улыбкой умѣряя подчасъ нелѣпыя скачки, мы не поставимъ передъ студенчествомъ вопросъ ребромъ: да не стыдно-ли намъ соціалистамъ, возиться съ трупами? Время и само заставитъ его придти къ сознанію „самоликвидациі“ когда это сознаніе уже не будетъ болѣзненнымъ для массъ и плохой рекомендаціей для вожаковъ“.

Съ другой стороны, нѣкоторые, наиболѣе

искренніе, конечно, не особенно и скрывали свои взгляды, хотя за все время только одинъ имѣлъ смѣлость высказать свои воззрѣнія передъ общестуденческой сходкой. Товарищъ С-въ, предлагалъ сходкѣ весной 1908 г. съ мужествомъ, которое нельзя не уважать, расписаться въ своемъ собственномъ, безусловномъ ничтожествѣ. Поскольку университетъ хотѣлъ „бороться“, онъ долженъ былъ выдать ему георгіевскій крестъ и разстрѣлять его лишеніемъ вліянія: банкротство хотя бы и не злостное все таки банкротство и римляне упадка не годятся для защиты Рима. Конечно, если, повторяю, Римъ вообще хотѣлъ бы защищаться.

Но нашъ обзоръ былъ бы не полонъ, если-бъ мы не указали еще на одну категорію обитателей университета: кромѣ организацій, партій, новичковъ и ветерановъ, героевъ и толпы, въ немъ жили еще призраки.

Это были тѣни прошлаго, которыхъ всѣ чужали хотя бы платоническимъ краешкомъ сердца; славнаго прошлаго, которымъ всѣ гордились.

И эти привидѣнія цѣнились въ университетѣ, какъ старинное зеркало, въ которое стоило только заглянуть, чтобы увидѣть свою собственную фizioномію въ прелестной, дорогой, почтенной рамкѣ. И герои и толпа любили въ него поглядѣться.

Все это, конечно, только бѣглый набросокъ,